

ВЛАДИМІРСКАЯ ЯРМАРКА

ВЪ СЕЛѢ ТОЛМАЧЕВѢ

нижегородскаго уѣзда.

Ярмарка въ селѣ Толмачевѣ начинается съ 22 и продолжается до 25 іюня; торговля преимущественно производится въ подторжье—22 и торгъ—23-го. Площадь, гдѣ производится торговля, необширна: сажень 70 длины и почти столько-же ширины. Чтобы точнѣе опредѣлить мѣстоположеніе ярмарки, нужно сказать, что она находится внѣ села, въ верхней его части, близъ церкви; одной стороною прилегаеть къ селу, другой къ полю крестьянъ, третьей къ полю духовныхъ, а четвертой стороною постепенно спускается къ рѣчкѣ, точнѣе—въ Барскій Увалъ; на поверхности ея есть нѣсколько необширныхъ и неглубокихъ, обросшихъ травой, ямъ. На площади находятся два зданія: народное училище и волостное правленіе; оба зданія находятся на одной сторонѣ, прилегающей къ селенію, а на противоположной, нѣсколько лѣвѣе, плетневый питейной домъ, нынѣ пустой.

Еще наканунѣ 21 числа изъ разныхъ окрестныхъ селеній начинаютъ съѣзжаться торговцы; они толпятся на площади, дожидаются распоряженій старосты; является староста, распредѣляетъ площадь по предметамъ торговли, отводитъ мѣста приѣжающимъ торговцамъ; начинается суета. Къ вечеру площадь покрывается нѣсколькими рядами телѣгъ, полковъ и балагановъ.

Солнце закатилось, пахнуло холодомъ, торгоши пріодѣлись и легли подъ телѣги. На площади водворилась тишина, а село давнымъ-давно заснуло; только изрѣдка лай псовъ раздаётся гдѣ-то. Утромъ, какъ только взойдетъ солнце, торговцы встають, молятся на церковь; окончивъ молитву, начинаютъ выгружать изъ возовъ свой товаръ и приготовляться къ торгу.

Ярмарка открыта, начался торгъ, толпа публики и покупателей на площади постепенно возрастаетъ; закинула торговля; рѣчь продавцовъ и покупателей слилась въ одинъ гулъ.

Отправился и я посмотреть и полюбоваться на ярмарку. Торговля идетъ въ 4 ряда; въ первомъ продаютъ: бороны (1 р. 25 к.), сошники (50 к. пара), полицы (50 к. штука), косы (1 р. 25 к.), лопатки для точенія косъ (10 к. десятокъ), колеса (5 р. станокъ), корыта, чашки, ложки деревянные и дѣтскія игрушки (отъ 1 к. до 50 к.), горшки, кубины и плоски (1 к. до 10 к.), конскую сбрую: хомуты, сидѣлки, узды, шлеи съ мѣдными бляхами и простыя, черезсѣдельники (50 к.—5 р.), колокольчики, бубенчики (10 к.—1 р.). Во второмъ ряду, на право, пухъ—пшеничная мука (1 р. 5 к.), ржанина (60 к.), пшено (1 р. 40 к.), гречневая крупа (1 р. 20 к.), соленая рыба—астрханская севрюга (5—6 р. за пудъ), судаки, сазаны, леци соленые (2—3 р. за пудъ), икра лещевая и щучья (5—8 к. за фунтъ). Въ третьемъ ряду, назади, шляпы: мужскія разной формы, для старухъ и молодыхъ, повыше, и пониже—кому какую надо: или поярковую (1 р.), или простую (50 к.), и фуражки; обувь: сапоги, голенищи бураками, съ широкимъ, маковымъ отворотомъ, башмаки и полусапожки съ фисташками, лентами и травками (1 р. 50 к.—7 р.); далѣе: ситца фабричныя, румянцевыя, заграничныя, брилліантинъ хорошій, миткаль на рубаху и москаль (10—50 к. арш.), шерстяныя матеріи разнаго сорта—есть голубого, желтаго, розоваго, малиноваго цвѣта (30—80 к. за арш.), есть даже и сукна (1—2 р.). Далѣе, въ четвертомъ ряду—къ кабаку: шнурки, тесемки, пояса, наперстки и иголки, булавки, пуговицы, крючки, колечки, бусы, брошки, запонки, румяна, помада (всего по немножку купить можно на рубль); дѣтямъ для утѣхи—пряники, орѣхи, рожки, конфекты (разной цѣны). Далѣе: питейный домъ съ продажей акцизныхъ литій на выносъ и распивочно—пива и меда; въ немъ цѣловальникъ добрый и цѣловальница тоже: вѣзмъ за денежки отпустить водки, пива и меду, кому чего понадобится. Далѣе, за кабакомъ: приятная закуска—блины горячіе—„съ пылу, съ жару, по трешнику за пару“, кри-

чать блинники. Далѣе—конная, десятка въ два, въ три лошадей (25—100 р. лошадей). Посмотришь, чего на ней не чинится!... Вотъ два барышника винтуютъ вокругъ лошади, чтобы продать: одинъ ведетъ, другой хлещетъ, а кнутъ-то—„сабля и топоръ и настругъ“ выражаются барышники, входяшіе въ роль... Ну и настрачиваютъ! Лошадь такъ орломъ и смотритъ! А вотъ другой, на сомнѣніе покупателя въ годахъ лошади, вытянувъ языкъ у нея, доказываетъ: „Ты смотри“ (барышникъ указываетъ на передніе зубы лошади) „она черновинъ не выѣла“, значитъ ей нѣтъ еще 10 лѣтъ—она „въ зубахъ держитъ!“ Словомъ, каждый барышникъ желаетъ лицомъ продать товаръ свой—бѣгаетъ съ лошадыю, кружить ее около себя: такъ и хочетъ вложить ей всю свою ловкость, чтобы получить хорошія деньги. Тутъ-же къ обществу барышниковъ примазываются и двое коноваловъ изъ татаръ, важно расхаживаютъ по конной, съ сумочкой на поясѣ и съ мѣдными конями на ней,—они легчатъ и дѣчатъ лошадей.

Для порядка на ярмаркѣ является полиція: становой приставъ, съ сотеками и десятками; чуть кто поразорится или пораздерется съ кѣмъ, какъ разъ угодить въ темную. Рѣдко впрочемъ ярмарка въ Толмачевѣ проходитъ безъ происшествій: то пожаръ, то убійства бывають послѣдствіями ярмарки.

Владимірская ярмарка въ Толмачевѣ учреждена потому, что въ церкви села устроены предѣлы въ честь владимірской иконы божіей Матери, и праздноство. Трехдневное праздноство въ духовномъ отношеніи вовсе незначительно, но въ противоположномъ ему отношеніи сильно процвѣтаетъ: жители селенія и съ ними вся волость, заключающая въ себѣ одинъ приходъ, гуляютъ, какъ говорится, на славу, въ продолженіе этихъ трехъ дней.

Собирается парней и дѣвушекъ кружокъ, изъ всего Подлѣсья *) молодежь пристунаетъ; кружокъ дѣлается шире и шире; здѣсь всему молодому міру свиданье. На дѣвушкахъ головки и

*) Подлѣсьемъ называется вся мѣстность около села Толмачева; верстахъ въ 12 отъ него, къ сѣверо-западу, находится и село Богородское, извѣстное больше подъ названіемъ Подлѣсова (какъ оно называлось бывши деревней), или даже Подлессова, по мѣстному говору.—Ред.

кафтанчики *), какъ жаръ горять, все шиты золотомъ, рукава бѣлы-браные, москали и передники преимущественно штофные, на рукахъ кольца серебряныя; на устахъ признанія въ любви... но больше въ пѣсняхъ. А парни-молодцы въ фуражкахъ на ухѣ, въ красныхъ шерстяныхъ рубашкахъ, въ сапогахъ съ кистями, на рукахъ красныя перчатки; слегка подвыпивши; у всехъ почти ни усовъ, ни бороды нѣтъ. Стоять они, что-то думаютъ. Дѣвушки начинаютъ перешоптываться, вотъ даже двѣ-три изъ нихъ что-то прогудѣли; наконецъ свѣтлымъ, нѣжнымъ голосомъ одна изъ нихъ запѣваетъ:

При долинушкѣ калинушка стоитъ.

Прочія ей подхватываютъ:

Охи! При долинушкѣ калинушка стоитъ.

На камнѣ соловей-пташка сидитъ,

Охи! На камнѣ соловей-пташка сидитъ.

Горьку ягоду калинку клюеть.

Охи! Горьку ягоду калинку клюеть.

Спѣлу зрѣлую въ уста принимать

Охи! и т. д....

Суху-землю долой спущать.

Охи! и т. д....

Прилетали къ соловушкѣ соволы *),

Сняли, взяли соловушка съ куста,

Посадили соловушка въ зеленъ садъ,

Вотъ заставили пѣсенки пѣть:

Ужъ ты пой, воспѣвай, соловей,

При вручинѣ утѣшай молодца,

При печали красну дѣвицу-душу,

Тебѣ, молодецъ, чужая сторона,

А мнѣ, дѣвушкѣ, право не своя.

Полюбила дѣвица молодца,

Полюбя-то, его выхвалила:

Ужъ ты гдѣ-то такой молодецъ!

Ни въ Казани нѣтъ, ни въ Астрахани!

Проявился такой молодецъ,

У Макарья во ярманкѣ,

*) Головка—головная повязка, шитая золотомъ.

***) Повтореніе, начинающееся словомъ «охи» здѣсь далѣе опускается.

Какъ у Спаса на горѣ, на желтымъ пескѣ,
 По песочку похаживаетъ,
 Калѣну стрѣлу накладываетъ,
 Калѣной стрѣлѣ наказываетъ:
 Ты лети, лети, стрѣла, высоко и далеко,
 Ты лети, лети, стрѣла, все подъ самы небеса,
 Ты убей, убей каленова стрѣла
 Стру утицу на Волгѣ, на рѣкѣ,
 Красну дѣвицу въ высокомъ теремѣ.

Входитъ въ кругъ парень, кланаясь, приглашаетъ дѣвушку и оба важно расхаживаютъ по кругу, исполняютъ пѣсню: гдѣ нужно — разойдутся, поклонятся, сойдутся, опять разойдутся. Толпа женщинъ, отчасти и мужчинъ, обступаютъ хороводъ, дѣти-малолѣтки бѣгаютъ, играютъ около хоровода; женщины съ любопытствомъ смотрятъ на играющихъ въ хороводѣ: одни смотрятъ на дочерей, другіе — на будущихъ женъ своихъ сыновей, третьи наблюдаютъ затѣмъ, какъ водятъ въ этотъ день хороводы теперь и сравниваютъ, какъ они сами ихъ водили въ свое время, смотрятъ, какъ дѣвушки важничаютъ теперь и сравниваютъ, какъ они сами *вещились* *). Вотъ двѣ-три бабы сошлись, судятъ и рядятъ о женихахъ и невѣстахъ: разсматриваютъ со всѣхъ сторонъ, разбираютъ всѣ недостатки.... „Вотъ-бы женихъ Анкѣ-то“! говоритъ одна сестра другой; „парень этакой баской!“ — „Да чей онъ такой?“ — „Да Малининъ-ать, парень бѣлый, пригожеватый такой; у нихъ мельница своя и скотинки-то много.... А лошади-то, лошади! Куда хороши!“ — „Такъ-то такъ, вотъ ты баишь, богатъ онъ, а наше-то дѣло бѣдное — не возьметъ; намъ надо ровню“....

Такъ-то бабы судятъ и рядятъ, а дѣвушки поютъ себѣ и играютъ въ хороводѣ, не знаютъ, что вокругъ ихъ „дѣется“; а когда придетъ домой Анка и услышитъ отъ матери, что миде тебя нынѣшней осенью за-мужъ отдадимъ, она и завопитъ на-взрыдъ: „Ужъ-ли я тебѣ, матушка, согрубница была? Ужъ не я-ль тебѣ, матушка, была скорой посоль? На что ты, моя матушка, разпрогнѣвалась, ранымъ-ранешенько меня за-мужъ хопъ

*). Вещиться — представляться хорошимъ.

отдать? Не дашь ты мнѣ, матушка, поспать-понѣжиться, погулять-потѣшиться“ и т. п. Вопить дѣвка, пока мать ее не убѣдитъ, пока не скажетъ ей, что она у нея не „отдашна“. Такой вопль происходитъ впрочемъ только тогда, когда Анка еще молода, или Анкѣ нелюбъ парень, когда ей пришлось по мысли и по сердцу другой, который грудью стоитъ, который дальше всѣхъ держитъ на ухѣ фуражку, который браво ходитъ, который важно въ хороводѣ запѣваетъ; онъ басчѣ всѣхъ, онъ порой пошоптываетъ съ ней, въ свое время, вечеркомъ, когда пойдетъ по лошадей въ околицу или поѣдетъ по воду, на-ключъ. Глубоко падаетъ любовь въ сердце деревенской дѣвушки! Она хотя таитъ всѣми силами отъ людей любовь, но ея свободно развитая грудь доказываетъ все, что у нея есть таинственного на сердцѣ; ея порывистые вздохи и рѣдко, рѣдко при людяхъ, тихія любезныя слова къ любимому, есть доказательство горячей любви: она не скоро полюбитъ, но, тѣмъ болѣе, не скоро и нарушить любовь. Днемъ она представляется спокойной, какой-то безпечной, не покажетъ виду, что у нея дѣлается на сердцѣ; но ночь — до пѣтуховъ — проходитъ у нея въ размышленьяхъ о миломъ голубчикѣ и снится онъ ей всю ночь; ей пѣтъ нужды, что онъ бѣденъ: она довольна тѣмъ, что при немъ ей веселѣе, сердцу ея спокойнѣе, словомъ, при немъ все ей пріятнѣе. Горячо сердце деревенскихъ дѣвушекъ!

Поетъ, въ хороводѣ играетъ молодежь день до вечера. Вотъ наконецъ наступаетъ вечеръ, дѣвушки расходятся, но и тутъ не безъ пѣсенъ. Подруги, собравшись въ рядъ или въ два, смотря по мѣстоположенію, и схватившись рука объ руку, въ сопровожденіи парней, плавно выступая, просятъ одну изъ среды себя, которая лучше и легче всѣхъ поетъ, чтобы она запѣла имъ пѣсенку. Тутъ ужъ круговымъ пѣснямъ не мѣсто; для этого есть пѣсни голосовыя. Пѣвица затягиваетъ, прочія подиѣваютъ:

Не я тебя сокрушила,

Сокрушила воля,

Эта воля не простая—

Все жизнь холостая.

Хорошо на свѣтѣ жити,

Любовью шутити;
 Любовь сердце заразила,
 Не могу забыть.
 Любилъ, любилъ парень дѣвку,
 Любилъ, да спокинулъ,
 Спокидавши и бросавши,
 Въ глаза насмѣлся;
 Ты не смѣйся, младъ мальчишка,
 Самъ ты неженатый,
 Самъ ты холостъ, неженатый,
 Блѣый кудреватый,
 Есь задумаешь жениться,
 Я замужь не пойду.
 Не грози, моя милая,
 Я тебя не возьму!
 Не я тебя примѣтила,
 Примѣтили очи....
 Разпрелестны мои очи!
 Не спала я ночи,
 Не спала ночи до свѣту,
 Прождала отвѣту,
 Когда миленькій отвѣтитъ,
 Сердечко заноетъ,
 Сердце-кость, занываетъ
 Ничего не знаетъ,
 Ничего оно не знаетъ,
 Что милъ спокидаетъ.

Въ подобныхъ пѣсняхъ дѣвушки и бьвають рѣзвѣе и безъ всякихъ ужимокъ, ротъ открываютъ свободнѣе и пѣнье ихъ дѣлается пріятнѣе.

Такъ веселится молодежь и окружающіе ее. Но чѣмъ удовольствуются люди пожилые изъ мужчинъ? Всѣ они, обремененные трудами, стараются, недуговъ ради, выпить какъ-нибудь. Посмотришь, столкнулось человѣкъ пятокъ, купили водочки уголокъ, въ меньшемъ размѣрѣ четвертцу и оставивъ за посуду цѣловальнику шапку, сѣли круговелькой и начали тянуть винцо по маленьку. Чарочка разъ обошла и рѣчь живѣй пошла, за второй шумъ, за третьей пѣсенки, какъ тутъ; а другой, какъ пропустить шкальчиковъ пятокъ, засучить по локти рукава, кричить:

„по любви!“ Становой уѣхалъ, слугъ его нѣтъ. Какъ разъ драка: одинъ бьетъ „подъ микитки“, другой „хлещетъ въ рыло“. Бойцовъ обступили старики, и сжавши кулаки, смотрять съ величайшимъ любопытствомъ. Кончилась драка, старики начали расходиться и между ними послышалось: „супротивъ нашего время не будетъ такихъ бойцовъ; въ наше время драка шла лучше“.

Вотъ бѣжить народъ... Куда? Да около кабака татары. И въ самомъ дѣлѣ, наши знакомые коновалы нашли себѣ пріятеля, такого-же татарина, со скрипкой. Лица у нихъ веселыя, должно быть, они вкусили запрещеннаго „Кораномъ“, должно быть, выпили на три пятака, да и хватили однако трепака—отмочили штуку важную! Одинъ играетъ, другой пляшетъ, третій подпѣваетъ про старинку, на мотивъ „Ночка темная“:

Разминнымъ диривнамъ,

Дорогамъ бульшой,

Шоль мужикъ съ медвѣдамъ,

А другой кузамъ.

Барынь падъ укошка

Съ барышнамъ сидыть,

Онъ кричалъ: прухожай!

И плюсать вилѣль:

Мишка штукамъ дѣлалъ,

Прыгала кузамъ;

Барынь далъ на водкамъ,

Вытрашилъ глазамъ.

„Ха, ха, ха!“ раздается въ толпѣ; и „однако и взаправду плясунъ штукамъ дѣлалъ!“

Толмачевское общество выручаетъ съ ярмарочной площади ежегодно около 15 р.; весь торговый оборотъ ярмарки доходить приблизительно до 1.000 р.

Ф. И. Летицкій.